

Эррико Малатеста
К вопросу о "ревизионизме"
1 августа 1931

L'Adunata dei Refrattari, год 10-й, №28

В этой статье Малатеста критикует анархистский ревизионизм. Он видит причину его возникновения в неправильных представлениях старого классического анархо-коммунизма, распространенного Кропоткиным.

ru.anarchistlibraries.net

К вопросу о "ревизионизме"

Эррико Малатеста

1 августа 1931

Мне передают вырезку из «**Martello**», содержащую нечто вроде открытого письма, адресованного мне товарищем, подписывающимся **Пардайян**, которое должно было бы быть ответом на мою недавнюю статью «Авторитарная жвачка»¹, где я боролся с некоторыми авторитарными тенденциями, проявившимися в нашей среде.

Я всегда рад, когда нахожу оппонентов, потому что я далёк от мысли, что всегда прав, и всегда надеюсь чему-то научиться из противоречия, и потому благодарен **Пардайяну** за то, что он был настолько любезен, что принял во внимание мою скромную статью. Но я хотел бы большей ясности, поскольку, честно говоря, мне не удалось хорошенько понять причины, побудившие этого товарища мне ответить.

Он говорит, что в прошлом, а точнее в движении первых послевоенных лет, можно было сделать лучше и больше. И кто в этом сомневается? Это можно говорить всегда, без

¹ «Rimasticatura autoritarie», статья в L'Adunata dei Refrattari, год 10-й, №18.

риска ошибиться, о любом движении, даже если о нём ничего не знаешь, и, возможно, особенно если о нём ничего не знаешь; но это бесполезно, если не уточнить, каковы были ошибки, как можно было их избежать и, главное, как нужно будет действовать, чтобы не впасть в них снова. Я охотно допускаю, что были совершены бесконечные ошибки действия и бездействия, хотя в отдельных случаях могло бы случиться то, что я считаю заслугой, а другие считают ошибкой, и наоборот. Но не об этом я говорил в той статье.

Пардайян настаивает на необходимости **выработать практическую программу немедленных осуществлений**, чтобы приспособить анархизм к реальной ситуации сегодняшнего и завтрашнего дня, и я совершенно согласен. Разумеется, и в этом, и особенно в этом, нужно различать между практическими предложениями, которые действительно могли бы вести к осуществлению анархии, и теми, которые ради достижения какого-то действительного или мнимого немедленного преимущества заставили бы нас отказаться от либертарной сущности нашей программы и поставили бы нас на путь, ведущий к цели, противоположной нашей. Но и не об этом шла речь в моей статье.

В той статье я ограничивался борьбой с идеей, высказанной некоторыми товарищами, что мы **должны будем при следующей революции заставлять людей делать по-нашему до тех пор, пока они не убедятся, что мы правы, и не станут спонтанно делать то, что вначале мы заставим их делать силой**. То есть учредить правительство и совершить настоящее чудо, а именно правительство, которое спешит уйти и старается стать бесполезным.

Пардайян говорит, что не этого хотят «ревиизионисты», или по крайней мере не этого хочет он. Он хочет вместо этого **создать ситуацию, в которой одни не смогут принуждать других**; что, можно сказать, и есть весь анархизм.

Но что тогда?

мунизма, или это был бы, как в России, коммунизм монашеский, казарменный и тюремный, хуже самого капитализма. Она должна немедленно осуществить то, что можно, но не больше того, что возможно: было бы достаточно для начала атаковать всеми возможными средствами политическую власть и экономические привилегии, распустить армию и все полицейские корпуса, вооружить всё население, реквизировать в пользу всех продовольственные запасы и обеспечить непрерывность снабжения и побуждать массы, прежде всего побуждать массы действовать, не дожидаясь приказов сверху. И заботиться о том, чтобы не разрушать ничего, кроме того, что можно заменить чем-то лучшим. Затем будет происходить движение к организации вольного коммунизма или тех других форм, вероятно, разнообразных и множественных, социального сосуществования, которые трудящиеся, просвещённые опытом, предпочтут.

Если бы анархисты захотели одни взять на себя функции правительства (что, впрочем, у них не было бы силы сделать), или, что ещё хуже, захотели бы объединиться с авторитарными партиями, чтобы диктовать обязательные законы и правила, они не сделали бы ничего иного, как предали бы самих себя и революцию. Тогда они, вместо того чтобы толкать к анархии пропагандой и примером, способствовали бы, волей или неволей, отнятию у народа тех завоеваний, которые он сделал бы в период восстания: они сделали бы, словом, то, что всегда делали все правительства.

Эррико Малатеста

Если это так, мы согласны, и **Пардайян** мог бы избавить себя от труда мне отвечать. И я мог бы только сказать ему, чтобы он продолжал свою критику и свои исследования, уточнял ошибки, на которые жалуется, разрабатывал средства их исправления, которые предлагает, и сотрудничал в выработке той практической программы, которая ему дорога. И пусть делает это без страха быть «отлучённым». Среди нас нет никаких «папских престолов», которые могли бы принимать в то, что он называет анархической церковью, или исключать из неё; и в них нет нужды. Кто больше не чувствует себя анархистом, тот уходит сам, более или менее откровенно и элегантно; а кто чувствует себя анархистом, остаётся таковым, даже если в тактической интерпретации анархизма он был бы одинок в своём мнении.

Но действительно ли мы согласны?

Несмотря на всю видимость, общий тон письма и сам факт, что он почувствовал потребность мне ответить, заставляют меня подозревать, что в глубине согласия нет. И поэтому я хотел бы попросить его ясно высказаться по вопросу о «правительстве».

Не стоит придирается к различным значениям слова правительство и включать в него либо правила хорошего ведения дома или предприятия, либо соглашение между членами ассоциации, либо способы социального сосуществования, навязанные необходимостью или добровольно принятые, либо техническое руководство работой или общественно важной деятельностью, и так далее.

Когда анархисты говорят, что хотят упразднить правительство, они явно говорят о правительстве в историческом и политическом смысле слова, каким оно обычно

понимается и принимается, то есть об индивиде или группе индивидов, которые обладают монополией и правом командовать вооружённой силой и используют её, чтобы навязывать народу свою волю, которая, естественно, соответствует их собственным идеям и интересам, а также интересам партии или класса.

Отвергает ли **Пардайян** такое правительство, каково бы ни было его происхождение и каковы бы ни были люди, его составляющие?

Верит ли он, что правительство (понимаемое в вышеуказанном смысле) естественно, в силу необходимости своего существования и развращающего действия, которое власть, всегда более или менее неподотчетная никому, оказывает на людей, – верит, говоря я, что оно стремится ограничить и уничтожить свободу всех и поддержать или создать привилегированный класс, заинтересованный в сохранении установленного порядка? Верит ли он, что разница между одним правительством и другим правительством, то есть разница в большем или меньшем количестве свободы, которое оно оставляет народу, зависит больше от доброты и злобы, ума или глупости правителей, чем от сознательности и сопротивления управляемых?

Или же он верит, что правительство, составленное из «анархистов», захотело бы и смогло бы организовать общественную жизнь на эгалитарных и либертарных началах, воспитать народ в свободе и солидарности и поставить своей целью стать бесполезным как можно скорее?

Верит ли он, что для **создания ситуации, в которой одни не смогут принуждать других**, нужно начать с принуждения людей делать так, как хотим мы?

Верит ли он, что мы, анархисты, настолько лучше других, настолько выше по природе, что сможем противостоять развращающему влиянию власти и заставить, простите за вульгарное сравнение, фиги расти на дубах? И с

либо проникнуты благородством и величием миссии, которую взяли на себя анархисты. Они остались убеждены, что стремление к всесторонней свободе (то, что можно было бы назвать анархическим духом) всегда было причиной всякого индивидуального и общественного прогресса, и что, напротив, все политические и экономические привилегии (которые являются лишь различными аспектами одного и того же угнетения), если не находят в анархизме более или менее сознательного достаточного препятствия, стремятся отбросить человечество назад к самому мрачному варварству. Они поняли, что анархия может прийти только постепенно, по мере того как массы доходят до её понимания и желания; но что она никогда не придёт, если не будет толчка более или менее сознательного анархического меньшинства, которое действует так, чтобы подготовить необходимую среду.

Оставаться анархистами, действовать как анархисты во всех возможных обстоятельствах оставалось долгом, свободно выбранным и принятым нами.

Я сказал выше, что, по моему мнению, так называемые ревизионисты, всё ещё находясь под влиянием предрассудков примитивного анархизма, обольщаются надеждой сделать коммунизм и анархию одним махом; но поскольку они также понимают, что массы ещё не подготовлены, они впадают в абсурд желания подготовить её авторитарными методами. Они говорят это не очень ясно, я даже думаю, что они сами не отдают себе в этом точного отчёта, но факт в том, как мне кажется, что они хотели бы построить коммунизм, отложив свободу на потом, и хотели бы обучить народ свободе посредством тирании.

Мне кажется, и я думаю, что это теперь мнение почти всех анархистов, что революция не может начаться с ком-

ла более доступна нашей пропаганде, не имела, в общем, ни независимого ума, ни пламенного желания свободы, привыкшая повиноваться, искала даже в своих стремлениях и своих революционных попытках, чтобы её вели, направляли, командовали ею, и, неспособная к инициативе, вместо того чтобы взять на себя труд и риск думать и действовать свободно, ждала, чтобы **вожди** сказали ей, что она должна делать, и оставалась безучастна или была сбита с пути, если вожди были ленивы, или неспособны, или предателями.

Конечно, среди масс были элементы, способные стать хорошими анархистами, и задачей пропаганды было найти их и вырастить; но, к сожалению, пропаганда не имела того потенциала, которую мы, ослеплённые первыми быстрыми успехами, предполагали. Факты показали нам, что в данной экономической, политической и моральной среде можно было обратить определённое число людей, предрасположенных к нашему делу особыми условиями, но затем становилось всё труднее и почти невозможно найти новых приверженцев, пока экономические или политические события не приносили новых возможностей. Дойдя до определённого пункта, нельзя было расти в численности, не ослабляя и не искажая программу, как это случилось с социал-демократами, которые сумели собрать внушительные массы, но для этого должны были перестать быть настоящими социалистами.

При таком положении вещей что нужно было делать? Оставить борьбу, стать скептиками и равнодушными или отказаться от анархии и присоединиться к авторитарной партии?

Некоторые так и сделали; но большинство из нас, те, кто имел в душе «священный огонь», были более чем когда-

другой стороны, не боится ли он, что когда появится надежда занять командный пост во имя анархии, многие политики объявят себя «анархистами», как объявляют себя «социалистами», когда надеются стать депутатами во имя социализма?

Не думает ли он, что мы должны всегда действовать как анархисты, даже рискуя быть побеждёнными, отказываясь таким образом от победы, которая могла бы быть победой наших людей, но была бы поражением наших идей?

На эти и другие подобные вопросы, которые он сам может додумать, я хотел бы, чтобы **Пардайян** ответил, не столько чтобы установить, кто прав и кто виноват (это в конечном счёте скажут факты), сколько чтобы увидеть, где мы согласны и где нет, и иметь возможность с пользой обсуждать вопрос, не ходя вокруг да около.

А теперь, оставив в стороне полемику с **Пардайяном**, я хочу высказать своё мнение о причине, по которой некоторые товарищи, несомненно искренние и полные рвения к торжеству анархии, побуждаются к тому, чтобы поставить под сомнение сами основы анархизма.

Подобные явления происходят во всех партиях на следующий день после поражения, и не было бы ничего странного, если бы то же самое произошло среди нас. Но мне кажется, что в нашем случае этот лихорадочный поиск новых путей, скорее не следствие новых, более смелых и более верных концепций, а скорее является следствием сохранения старых иллюзий, которые те товарищи, несмотря на долгий опыт, ещё надеются немедленно реализовать, как надеялись в начале истории движения.

Шестьдесят с лишним лет назад мы думали, что анархия и коммунизм могут возникнуть как прямое, немедленное следствие победоносного восстания. Речь, говорили

мы, не идёт о том, чтобы однажды прийти к анархии и коммунизму, но о том, чтобы начать социальную революцию с анархии и коммунизма. Нужно было, повторяли мы в наших манифестах, чтобы вечером того же дня, когда будут побеждены правительственные силы, каждый мог полностью удовлетворить свои основные потребности, без промедления почувствовать плоды революции.

Это была, словом, идея, которая, будучи принята немногим позже Кропоткиным, была им популяризирована и почти закреплена как окончательная программа анархизма.

Наша уверенность, наша слишком юношеская самонадеянность зависели от нескольких ошибок.

Во-первых, мы, ослеплённые, как и большинство людей, полными амбарами и ломящимися от непроданных товаров складами, верили, что всего, что необходимо для жизни, в изобилии и что достаточно протянуть руку, чтобы каждый нашёл всё, что ему нужно.

И с другой стороны, мы были убеждены, что народ, жаждущий свободы и справедливости, обладает также способностью спонтанно организоваться и сам обеспечивать свои потребности.

По нашему мнению, достаточно было разрушить материальные препятствия, то есть победить вооружённую силу, защищавшую собственников, и всё пойдёт само собой.

И мы заботились прежде всего о совершенствовании нашего идеала, теша себя иллюзией, что масса следует за нами, более того, веря, что мы являемся лишь выразителями глубоких инстинктов этой массы.

Нас было немного, но мы имели безграничную веру в эффективность пропаганды. Наши рассуждения на этот счёт были самыми наивными: если, думали мы, будучи десятью пропагандистами, за месяц мы стали двадцатью, то теперь, когда нас двадцать, за другой месяц мы станем

сорока, а потом из сорока – восьмьюдесятью, и так далее. Удваивая численность из месяца в месяц, мы скоро обрели бы силу, необходимую для революции.

Быстрая организация профсоюзов и дух солидарности среди угнетённых, борющихся за освобождение, разрешили бы все трудности. Международное Товарищество Рабочих (Первый Интернационал), переживавшее тогда период наивысшего своего расцвета, казалось, уже готово было заменить организацию буржуазного общества своей организацией.

Исходя из этой идеи, ясно, что нам должно было казаться, что анархия вот-вот возникнет сразу, спонтанно, по воле и способности всего населения, или по крайней мере сознательной и активной части населения, как только оно освободится от грубой силы, державшей его в подчинении.

Но с течением времени изучение и, более того, суровый опыт показали нам, что многие из наших убеждений были следствием наших хотелок и наших надежд и не соответствовали реальным фактам.

Мы поняли, что доступные продукты, на самом деле, были, из-за капиталистической системы производства, обычно недостаточны и к тому же настолько неравномерно распределены между различными регионами и местностями, сельскими и городскими, что даже короткая дезорганизация транспорта и обмена вызвала бы голод и голодную смерть в наиболее населённых центрах.

И, что хуже, мы должны были убедиться, что массы не обладали той добродетелью, которую мы им приписывали. Одна часть масс, которая в некоторых регионах составляла огромное большинство, отупевшая от нищеты и религии, была слепым и бессознательным орудием в руках угнетателей против самой себя и против тех, кто восставал против угнетения. А другая часть, более развитая, более облагодетельствованная условиями среды, та, которая бы-